

ЗЛОВЕЩАЯ ДОЛИНА

Анна Винер

ЗЛОВЕЩАЯ ДОЛИНА

Что я увидела, попав в IT-индустрию

Москва
2020

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44
В48

Anne Wiener
UNCANNY VALLEY: A MEMOIR
Copyright © 2020 by Anne Wiener
All rights reserved

Cover design © Rodrigo Corral

Author photograph © Russell Perkins

В оформлении обложки использовано фото:
Pando Hall / Getty Images

Винер, Анна.

В48 Зловещая долина. Что я увидела, попав в IT-индустрию / Анна Винер ; [перевод с английского Е. А. Мордашева]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-107755-6

Анна Винер 25 лет, она выпускница факультета филологии, работает в издательстве и с небольшой тревогой наблюдает, как меняется книжный рынок под влиянием гигантов онлайн-торговли. Судьба подкидывает ей шанс: присоединиться к старту для чтения электронных книг по подписке. Так Анна попадает в Кремниевую долину — в мир сюрреалистической расточительности, сомнительного успеха и новых предпринимателей, одержимых господством, славой и прогрессом. Но все обычно имеет свою темную сторону — и за ярким и креативным фасадом индустрии явственно маячит тень всеобщей слежки, а вера в амбициозных, высокомерных молодых недоучек становится глобальным бедствием...

Глубоко личная и при этом универсальная история поколения Y и его взросления на фоне разворачивающегося «цифрового века». Это история о конфликте между старым и новым, между искусством и технологией, между поиском денег и поиском смысла — о том, как наш мир меняется навсегда.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Мордашев Е. А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-107755-6

Моим родителям

«Сами мы были умны, образованы, талантливны, среди нас не было моральных уродов, просто обыватели, жаждущие жить на символическом уровне».

*Вивиан Горник,
«Конец любовного романа»*

СТИМУЛЫ

В зависимости от того, кого спрашивать, этот период в истории Кремниевой долины был не то апогеем, высшей точкой развития, не то переломом и началом конца стартапов Кремниевой долины. Циники называли этот феномен пузырьрем, оптимисты — будущим, а мои коллеги, опьяненные всемирно-историческими перспективами, с придыханием говорили о стартап-культуре как об экосистеме. Всеми ненавидимая социальная сеть, которой тем не менее все продолжали пользоваться, собрала свыше 100 миллиардов долларов на бирже, когда ее улыбающийся основатель дал по видеосвязи звонок к открытию торгов, прозвеневший похоронным колоколом по дешевой аренде в Сан-Франциско. На платформе микроблогов, позволявшей ощутить себя ближе к знаменитостям и презираемым в реале рядовым незнакомцам, зарегистрировалось двести миллионов. Искусственный интеллект и виртуальная реальность снова вошли в моду. Приход беспилотных автомобилей считался неизбежностью. Все переходили на мобильные приложения. Хранили все в «облаке». Никого не волновало, что «облако» — просто дата-центр без опознавательных знаков, стоящий посреди Техаса, Корка или Баварии. Все, так или иначе, ему доверяли.

Это был год свежеиспеченного оптимизма: оптимизма без границ, удержу, опасений. Оптимизма капитала, власти и радужных надежд. Ему на всех биржах поддались предприниматели-технари и дипломированные управляющие бизнесом. Словно опухоль разрасталось слово «разрушение», грозившее захватить и пожрать все: бумажные ноты, прокат смокингов, домашнюю стряпню, покупку собственного жилья, планирование свадьбы, банковское дело, бритве, кредитные линии, химчистки, календарный метод контрацепции. Веб-сайт, позволявший домовладельцам сдавать в аренду неиспользуемые подъездные аллеи, привлек от элитных фирм Сэнд-Хилл-роуд¹ четыре миллиона. Сервис по уходу за питомцами — приложение по присмотру за домашними животными и выгулу собак, обрушившее рынок услуг двенадцатилетних соседей, — собрало десять миллионов. Приложение, собирающее скидочные купоны, подвигло массы скучающих и любопытных горожан оплачивать совершенно ненужные и неведомые им доселе услуги, и только из-за скидок народ на время подсел на токсины против морщин, уроки воздушной гимнастики и отбеливание ануса.

Это был рассвет эры единорогов: инвесторы отваливали стартапам больше миллиарда долларов. Известный венчурный капиталист заявил на страницах международной деловой газеты, что мир пожирает программное обеспечение. Вслед

---

¹ Улица в городе Менло-Парк, Калифорния, на которой расположено множество компаний венчурного капитала.

за тем в бесчисленных презентациях, пресс-релизах и списках вакансий эти слова растиражировали, словно некое откровение, а не заурядную неуклюжую и неэтичную метафору.

Впрочем, за пределами Кремниевой долины мало кто принимал все это слишком всерьез. Большинство считало это пузырьем, который в конце концов неизбежно лопнет, как и все прежнее. А индустрия тем временем вышла из провинциального гетто строителей будущего и энтузиастов аппаратного обеспечения и утвердилась в новой роли неотъемлемой части повседневной жизни.

Не то чтобы я обо всем этом не задумывалась — просто не обращала внимания. На моем телефоне ни единого приложения не было. Мне только что исполнилось двадцать пять, я жила на окраине Бруклина с малознакомой соседкой в квартире, заставленной такой подержанной мебелью, что возникал исторический флер. Моя жизнь была эфемерна, но приятна: работа ассистенткой в небольшом литературном агентстве на Манхэттене, горстка любимых подруг, общением с которыми я прикрывала боязнь социальных контактов.

Но потом все покатило под откос, и чем дальше, тем стремительнее. Чуть не ежедневно я подумывала о поступлении в аспирантуру. Работа превратилась в рутину. Повышения не предвиделось, а вуайеристское наслаждение от ответа по чужому телефону за три года успело поблекнуть. Выуженные из самотека перлы тоже перестали забавлять, как и отправка договоров авторам и

отчетов о начислении авторских гонораров в отнюдь не предназначенный для того ящик собственного письменного стола. Внештатной работы — правки и вычитки для мелких независимых изданий — у меня тоже сильно поубавилось, ибо совсем недавно я рассталась с поставлявшим ее редактором. Поначалу бурные, наши отношения порядком выдохлись: постарше меня, редактор имел серьезные намерения, но постоянно изменял. Измены вскрылись, когда он вернул одолженный у меня на выходные ноутбук, не выйдя из своих аккаунтов, где в чате всеми ненавидимой социальной сети я и прочла романтическую и многообещающую переписку со сладострастной фолк-певицей. В тот год сеть я ненавидела особенно люто.

О Кремниевой долине я счастливо не ведала, хотя я вовсе не ретроград и умею навести курсор на текст. Просто бизнес-сторона этого вопроса меня никогда не занимала. Как всякий офисный сотрудник, большую часть активного времени суток я сидела перед монитором, днями набирала тексты и заполняла таблицы, а браузер фиксировал цифровой след моих отвлечений от работы. Дома я убивала время, просматривая фотографии и путано размышляя о тех, кого давно следовало позабыть. Еще я бесконечно обменивалась письмами с подругами, где мы делились неискушенными профессиональными и личными советами. Я читала онлайн-архивы почивших в бозе литературных журналов, изучала витрины онлайн-магазинов одежды, которую не могла себе позволить, начинала и бросала писать при-

ватные мотивирующие блоги под названиями вроде «Осмысленная жизнь», в тщетной надежде, что они меня к таковой приблизят. Но мне в голову не приходило, что я стану одной из работающих за кулисами Интернета — я просто не подозревала, что за Интернетом вообще стоят люди.

Моя жизнь была впечатляющим образцом в духе многих двадцатилетних обитателей Северного Бруклина, в ту пору, когда местной достопримечательностью района считалась фабрика шоколада ручной работы, а на повестке дня стояли вопросы городского сельского хозяйства для самообеспечения горожан. Я снимала древним, унаследованным еще от бабушки среднеформатным фотоаппаратом, потом сканировала фотографии и через полуживой, стучащий вентилятором ноутбук загружала их в блоги. Я сидела на сгоревших колонках и холодных батареях репетиционного зала в Бушвике¹, листала старые номера гляцевых журналов и наблюдала, как разные симпатичные парни делают самокрутки, крутят в руках барабанные палочки и гитарные слайды; внимательно вслушивалась в их тренькание, собиралась с духом, но никогда не решалась им навязаться. Я ходила на свидания с парнями, которые делали вручную книги или мебель из спилов дерева; один из них считал себя пекарем-экспериментатором. В быту я неизменно отдавала дань архаике, покупала новую иглу для проигрывателя, который почти не слушала, или

---

¹ Район в Бруклине, Нью-Йорк.

батарейку для часов, которые никогда не носила. Микроволновки я не признавала.

Если индустрия высоких технологий меня и затронула, то только из-за нарастающих проблем в моей отрасли. Онлайн-магазин, в девяностые начавший с книготорговли — отнюдь не из любви основателя к литературе, но к потребителям и эффективному потреблению, — разросся и стал цифровым супермаркетом дешевого китайского ширпотреба. Там продавали бытовую технику, электронику, продукты питания, массовую моду, игрушки, столовые приборы и различные предметы первой необходимости. Покорив все отрасли розничной торговли, онлайн-супермаркет вернулся к истокам и, похоже, принялся всячески изничтожать издательское дело. Дошел до печатания собственных книг, которые мои литературные знакомые презрительно и насмешливо называли глупыми и бесстыдными. Мы не замечали, что должны быть благодарны этому сайту, поскольку всю издательскую отрасль держали на плаву бестселлеры о садомазохизме и вампирах, зачатые и возвращенные в инкубаторе электронного самиздата этого онлайн-супермаркета. Пару лет спустя его основатель, южанин с лицом черепахи, станет богатейшим человеком в мире и похорошеет просто как в кино, но в ту пору думали мы не о нем. Для нас имело значение только то, что сайт продавал половину книг, а потому завладел важнейшими рычагами: ценообразованием и распространением. Он держал нас мертвой хваткой.

Я не подозревала, что индустрия высоких технологий боготворила онлайн-супермаркет за беспощадную, дата-ориентированную корпоративную культуру или о том, что его запатентованные алгоритмы рекомендаций, предлагающие вместе с подгузниками и мешками для пылесосов романы о неблагополучных семьях, почитали передовым, достойным восхищения прорывом в прикладном машинном обучении. Я понятия не имела, что у онлайн-супермаркета есть прибыльный смежный бизнес по продаже услуг облачных вычислений — дозированная эксплуатация обширной международной сети серверных ферм, — предназначенный для поддержки внутренней инфраструктуры других веб-сайтов и приложений компании. Я понятия не имела, что практически невозможно пользоваться Интернетом, не обогащая онлайн-супермаркет или его основателя. Знала только, что обоим мне следует ненавидеть, и я ненавидела их при всяком удобном случае, громогласно кипя праведным гневом.

Однако в целом индустрия высоких технологий была проблемой далекой и абстрактной. Осенью того же года книгоиздательскую отрасль потрясло слияние двух крупнейших концернов с примерно десятью тысячами сотрудников и общей стоимостью свыше двух миллиардов долларов. Компания за два миллиарда долларов: власть и деньги для меня непостижимые. Казалось, если что и могло защитить нас от онлайн-супермаркета, так это компания в два миллиарда долларов. О фирмах-единорогах с двенадцатью сотрудниками я не ведала.

Позже, уже обосновавшись в Сан-Франциско, я узнала, что в тот год, когда я выпивала в забегаловках с подругами из издательств и мы сокрушались о беспросветном будущем, в тот самый год многие из моих новых друзей, коллег и пассий быстро и тихо сделали первые миллионы. Одни открыли компании, другие в двадцать пять позволили себе уйти в двухлетние творческие отпуска, а я сидела за узким столом у кабинета шефа, подсчитывала расходы агентства и пыталась определить, сколько я стою, исходя из годовой зарплаты. Та без доплат выросла с прошлой зимы с 29 000 до 31 000 долларов. Сколько я стою? Пятикратную цену нового дивана шефа или сумму двадцати заказов на канцтовары. Мои будущие коллеги нанимали финансовых консультантов и собирались ради самосознания медитировать на Бали, а я ловила пылесосом тараканов по стенам съемной квартиры, курила травку и ездила вдоль Ист-Ривер на велосипеде на гаражные концерты, заглушая накатывающий страх.

Это был год обещаний, неумеренности, оптимизма, ускорения и надежды — в каком-то другом городе, в какой-то другой отрасли, в чьей-то другой жизни.

В один прекрасный день, сидя в литературном агентстве с легкой головной болью после вчерашнего и жуя вялый салат, я прочла статью о стартап-компании, собравшей три миллиона на революцию в книжном деле. С сопровождающей текст фотографии, напоминавшей выпускной снимок студенческого братства, широко улыбалась на фоне пасторального пейзажа троица соучредителей. Все трое в рубашках с воротником на пуговках и со смешинкой в глазах. Очень свободные и целеустремленные. Из тех мужчин, что чистят зубы электрической щеткой, никогда не заходят в дешевые магазины, следят за котировками и не кладут на скатерть грязные салфетки. Из тех мужчин, рядом с которыми я всегда чувствовала себя невидимкой.

Революцию, если верить статье, произведет мобильное приложение для чтения электронных книг, функционирующее по подписке. Идея выглядела неплохо, а посыл приложения — доступ за скромный ежемесячный взнос к обширной библиотеке электронных книг — даже с кучей оговорок мелким шрифтом казался многообещающим. В общем, идея зацепила.

Приложение для чтения электронных книг было новой концепцией в издательском деле, где новые идеи рождались редко и никогда не поощрялись — притом, что отрасль вечно балансиро-